

— О? Салли, когда ты сменил имя на Сарриан? — раздался голос Вилы.

— Вила Семорел, не говори мне, что ты не знаешь моего полного имени.

— Прости, но я не хочу тратить силы на такие пустяки, — с безразличной улыбкой ответил Вила, добавив с похвалой:

— Это имя тебе очень подходит, Сарриан.

Салли поправил свои растрепанные светло-золотистые волосы и обратился к жрецу с почти льстивой улыбкой:

— Ваше преосвященство, вы выглядите так совершенно, так свято!

Он указал на Вилу с отвращением и продолжил:

— Я должен предупредить вас, что воплощение света и справедливости, как вы, не должно общаться с таким подлым, бесчестным и низким злодеем. Он осквернит вашу веру и запятнает вашу душу. О, кстати, скажите, какому богу вы служите? Богине Жизни? Богине Леса? Или, может быть, Богу Солнца?

Вила с злорадством ответил:

— К сожалению, ваше преосвященство, это верховный жрец великого Повелителя Теней, воплощения проклятий и тьмы, владыка смерти. Думаю, его душу мне нечем запятнать.

— О? Простите, я не узнал вас, — Салли обошел Хилла и остановился перед ним, его пылкий взгляд устремился на жреца. — Вы действительно идеально сочетаетесь с тьмой.

Хилл отступил на два шага, вызвав густую тьму, которая окружила его, отгородившись от этого явно ненормального типа.

Салли с легкостью применил Темное зрение, чтобы его взгляд проник сквозь тьму и упал на лицо жреца.

Вила не удержался от насмешки:

— Видишь? Он жрец Эрджи, самый верный противник света и справедливости.

Пыл на лице Салли ничуть не уменьшился. Он с отвращением взглянул на Вилу и с праведным гневом заявил:

— Красота — это справедливость! Такие, как ты, с вечно злобным выражением лица, гнийте в глубинах тьмы!

Тонкие черные глаза Вилы засветились холодным блеском, и он начал произносить заклинание.

Салли с презрением потянулся к карману на поясе, но его крик разнесся по углу Леса Суйбянь:

— Где моя одежда! Вила! Ты грязный! Бесчестный! Подлый мерзавец! Ах! Ты пользуешься чужими бедами! Не будет тебе счастья!

Разобравшись с Салли, Вила потребовал рассказать, где находится его верный слуга.

Салли, с горящими глазами, смотрел на Хилла, восхищаясь красотой жреца, и раздраженно отвечал Виле:

— Сколько раз я говорил, я не тронул ни единого волоса на его голове! Он пошел со мной добровольно. Я лишь слегка надавил на него, и он согласился.

— О? Надавил?

— Я сказал ему, что пришел похитить тебя, и лучше бы он пошел со мной, — с раздражением махнул рукой Салли. — И он пошел. Вила, покайся! Даже твой самый верный слуга не может терпеть твое зло!

— Где он сейчас?

Салли указал на высокую ель впереди:

— Вон там.

— Теперь, Салли, скажи мне, куда ты дел моего самого верного слугу? — Вила, глядя на пустой лес, угрожающе согнул пальцы, требуя ответа от Салли. — Если ты не дашь мне удовлетворительного ответа, думаю, тебе лучше приготовить предсмертные слова.

Салли, как муха, крутился вокруг Хилла, льстиво оказывая знаки внимания. Он все еще не вернул себе свою мантию и пояс, оставаясь в длинном нижнем одеянии. Поправляя свободный воротник, Салли равнодушно сказал:

— Кто знает? Я лишь сказал ему оставаться здесь. Может, он сам сбежал. Убежать от такого подлого злодея, как ты, было мудрым решением. Ах! Ваше преосвященство! Вы еще не сказали мне свое имя!

Заклинание Вилы и магия Хилла одновременно обрушились на Салли, который с трудом справился с внезапным двойным ударом, уклоняясь в панике. Затем, с тоном, будто делая одолжение, он признался Виле:

— Ладно, я действительно не знаю. Получив твой ответ, я пришел сюда, как договорились, чтобы сразиться, но ты заперся в той башне и наотрез отказался выйти. Твой слуга намекнул мне, что можно использовать определенные методы для угроз. Потом он пошел со мной. А где он сейчас, откуда мне знать?

Вила долго молчал. Через некоторое время он достал из-под своего черного плаща аккуратно сложенный белый плащ и золотой пояс, бросил их Салли и равнодушно сказал:

— Твоя одежда, забирай. Не позорься здесь.

Салли ловко поймал одежду, его изумрудные глаза скользнули по Виле сверху вниз, будто что-то заметив, но он лишь пожал плечами и замолчал.

Прохладный ветер пронесся по лесу, шелестя листьями елей. Полы черного плаща Вилы взметнулись, его черные волосы развевались на ветру, хлеща по худым щекам. Он не обращал внимания на остальных, его тонкие черные глаза смотрели сквозь густую листву на далекие горы...

Салли, к удивлению, не стал насмехаться. В этом углу Леса Суйбянь царил тишина, лишь шелест листьев нарушал покой.

Гулкий грохот нарушил эту тишину, сопровождаемый мощной волной магии. Вила вздрогнул, внимательно прислушиваясь к направлению звука.

Его лицо стало серьезным.

Салли, уже облачившийся в свой сверкающий золотом белый плащ, снова превратился в жреца богини света и с напускной важностью насмехался:

— Злой маг! Похоже, твое зло вызвало гнев леса...

Но, не закончив фразу, он встретился с холодным взглядом Вилы и невольно проглотил насмешку.

Хилл подошел к Виле и холодно сказал:

— Идем.

— Красивый жрец! Не приближайся к этому злодею! — Салли поднял голову и спросил:

— Куда?

— Найти моего самого верного слугу, — сказал Вила, направляясь вглубь Леса Суйбянь.

Четвертая история: Перемены в Лесу Суйбянь

В глубине Леса Суйбянь Талс пребывал в замешательстве. Он хмурил брови, неосознанно потирая свои клыки, его золотисто-карие глаза были прикованы к фигуре впереди, полны недоумения.

Эта фигура выглядела как мужчина-человек. С точки зрения дракона, этот человек был низкого роста и хрупкого телосложения, с такой тонкой талией, что, казалось, ее можно было сломать одним движением. Он был одет в облегающую темно-зеленую льняную рубашку, коричневые брюки, а на ногах у него были мягкие кожаные ботинки, сделанные из качественного материала, но сильно изношенные, будто их давно не меняли. Его растрепанные каштановые кудри спадали на плечи, в них запутались несколько травинки и листьев, что придавало ему вид весьма жалкий. Он шатался, едва держась на ногах, будто вот-вот упадет.

Человек время от времени бормотал что-то странное, его слова были невнятными, как будто он говорил во сне или стонал от боли. Талс едва мог разобрать, что он говорит, лишь слышал повторяющиеся слова: «Кто?», «Я?», «Тайлан», «Талиша»...

Человек остановился перед узловатой сосной, схватился за лоб и быстро забормотал, его слова были беспорядочными, будто он испытывал сильную боль, а затем он издал пронзительный крик и с силой ударился головой о ствол сосны, раз за разом. Твердый ствол дрожал от ударов, хвоя сыпалась с дерева.

Талс смотрел на это с широко раскрытыми глазами. Он не мог поверить, что человеческий череп может быть таким прочным. Он мысленно сравнил это с Вилой, у которого однажды появилась шишка на лбу, когда он ударился об открытую дверь. В сравнении с этим, лоб мага казался очень хрупким.

Талс следил за этим человеком уже давно.

Полдня назад он скучал, бродил по Лесу Суйбянь, как вдруг почувствовал знакомый запах. Этот запах казался ему знакомым, но в то же время странным, и сразу привлек его внимание. Талс закрыл глаза, глубоко вдохнул, этот аромат был подобен душистому вину «Утренняя роса», и ему было очень приятно.

Он пошел на запах.

Затем он услышал пение. Пение было красивым, мелодия протяжной, звучала мягко и печально, как остывший чай из травы Ганьлань.

«В далекой небесной дали, среди извилистых гор, спрятаны сокровища, неизвестные никому, и летают драконы. Их крылья выше облаков, их зубы острее мечей. Ах! Далекие горы, место, куда я стремлюсь, туда...»

[Перевод и адаптация имен собственных и терминов выполнены в соответствии с предоставленным глоссарием.]

<http://bllate.org/book/16301/1470194>